

ПОСТМОДЕРН И СОЗНАНИЕ «НЬЮ ЭЙДЖ»

Т.Н. Поплавская

В общей ситуации постмодерна, в которой мы все благополучно и не очень обретаемся, происходит очень интенсивное осознание ее истоков, течений, нюансов. Причем, особенно характерным для этого процесса является то, что в нем задействованы представители практически всех направлений интеллектуальной жизни современного постиндустриального общества — от физиков и философов до искусствоведов, литераторов и теологов.

Исследователи постмодернистской ситуации выделяют два основных течения: оптимистичный постмодерн и пессимистичный постмодерн. К оптимистичному пониманию постмодернистской ситуации в первую очередь следует отнести Вольфганга Уэлша, который еще в 1987 году в своей книге «Unsere postmoderne Moderne» попытался показать генеалогию этого явления. Он стремился провести ряд разграничительных линий между собственно «постмодернизмом» и параллельными ему явлениями, такими как «пост-история» и «постиндустриальное общество».

Теория «пост-истории», как известно, развита и впечатляюще изложена Жаном Бодрийяром. Автор этой теории пессимистичен. Он уверен, что основной чертой пост-истории является утрата веры в утопию. Этот же критерий он применяет к постмодернизму, к эпохе постмодерн. Постмодернистский активизм — лишь тупиковое самообольщение нарциссизма, утратившего последние остатки жизни и творчества.

Ярким теоретиком постиндустриального общества является американец Дэниэл Белл, который рассматривает постиндустриальное общество как совершенный идеал и высший позитив, как «конец исто-

рии». Единственной преградой для реализации этого идеала Беллу видится культура. Сфера культуры основана, согласно ему, на логике, отличной от дуальной модели рационального функционирования, а следовательно, рано или поздно обострится главное противоречие постиндустриального общества — противоречие между монолитной и универсальной логикой рациональной технократии и сферической, плюральной и иррациональной логикой культуры. Но эта оппозиция может не перерасти в открытый конфликт или катастрофу, если постиндустриальное общество — мегамашина банков, рыночных механизмов и информационных технологий — сумеет «рекупировать» культуру, превратить ее в потребительский продукт, в гаджет, в элемент своей замкнутой технократической игры; тогда ее подрывное содержание будет сведено к минимуму или вообще к нулю.

Представив себе такую успешную операцию, мы получаем картину строго тождественную «пост-истории» Бодрийера. Иными словами, постиндустриальное общество породит совершенную пост-историю в том случае, если сумеет избавиться от вызова культуры.

«Постмодерн» Уэлша отличается от этих двух уровней наличием в нем такого критерия как «оптимизм», и его сторонники, европейские интеллектуалы Мелер, де Бенуа, Стойкерс, Лиотар, Фуко, Делез, Деррида и др., увидели в данном явлении возможность преодоления механицизма и картезианства, измерение «новой свободы». Фуко, например, усматривает в постмодерне окончательный разрыв с «универсалистской парадигмой», т. е. со всеми эпистемологическими и идеологическими нормативами, которые претендовали на монополию, знание единого «кода» реальности. Взамен этого Фуко провозглашает начало эры нагромождения «различий», полную фрагментацию реальности, переход к высвобождению сущностной гетерогенности.

Жиль Делез развивает свою концепцию «ризом», кишящего хаоса непредвиденных наложений разнообразных эволютивных и инволютивных цепей. От лейбницевской «монады» Делез перешел к теории «номада», «кочевого блуждания реальности» по лабиринтам витальных эшелонов, несистематических и неожиданных различий и синтетических симультанностей. Деррида же обнаружил в том же явлении новые пути «дифференциации», которые отныне обладают не статическим музейным, но динамическим характером, так как не могут быть постулируемы и классифицируемы.

Как видим, существуют две версии постмодерна. Одна основывается на традиции отрицания (или преодоления) модерна и воплощается скорее в тенденции к «прогрессивному скачку вперед» за рамки

развития, имманентно присущие эпохе модерна и распознанные как ограничительные рубежи. Она существует как интеллектуальное усилие, как «озарение», как стиль, как «активность». Вторая строится на иных модальностях ультрасовременной эпохи, которые, в свою очередь, определяют пассивную, фоновую, «негативную» реальность, воплощенную в соответствующих концептах «пост-истории» и «постиндустриального общества».

В этой постмодернистской ситуации представители течения «Нью-эйдж» занимают срединное положение, но с явным доминированием оптимизма. Общим введением в проблематику «нью-эйдж» может служить сборник статей его признанных лидеров «Путь вперед: Величественная перспектива на новое тысячелетие» (1992), а также энциклопедическая монография М. Мерфи (1992), в большей степени ориентированная на проблемы психосоматики. Полемическая литература, преимущественно фундаменталистского плана, представлена работами С.В. Мансареса, Б. Феллейя, О.С. Роуза и др.

Проблема выживания постиндустриального общества и цивилизации в целом, по мнению ньюэйджеров, — это проблема изменения человеческого сознания. К этой мысли одними из первых пришли идеологи Римского клуба — известной неправительственной организации, занимающейся глобальным моделированием. Его создатель — Аурелио Печчеи, а также авторы первых докладов Д. Медоуз и Э. Пестель связывали изменение сознания с рождением «новой этики», в основе которой лежало бы осознание глобальных проблем.

В отличие от постмодернистов, занятых больше осознанием сложившейся ситуации в современном мире и мучительно ищущих выхода из нее, ньюэйджеры уже предлагают конкретные способы выхода из кризиса через освоение восточных медитативных практик по изменению сознания, благодаря которым человек сможет поставить под контроль не только внешний, но и внутренний мир. Так, известный ученый и блистательный теоретик Питер Рассел отмечает, что: «Если интерес к личностному развитию будет продолжать расти такими же темпами, и если этот интерес найдет свое выражение в изменении сознания, то мы станем свидетелями процесса позитивной обратной связи, ведущей к экспоненциальному ускорению внутренней осознанности. Чем больше пробуждается людей, чем шире распространяется знание о факторах, культивирующих внутреннюю осознанность, — тем благоприятнее становится социальная среда для дальнейшего пробуждения, поощряя к пробуждению все большее число людей. В результате вероятность изменения в сознании растет, и само изменение ста-

новится более легким. Такое развитие может спровоцировать коллективный скачок в сознании» [1, с. 29].

Сознание «Нью Эйдж» становится сегодня духовной основой движения в защиту окружающей среды. Экология занимает в мировоззрении «Нью Эйдж» совершенно особое место. Ньюэйджерам свойственно неограниченно раздвигать пределы этой дисциплины. Созданная ими «глубинная экология» — это учение не только о биологических взаимосвязях, но о мистическом единстве всех живых существ и мира в целом. В свою очередь, обретение человеком способности к мистическому общению обеспечит гармонию в отношениях с природой [5].

Экологический мистицизм действительно мог бы способствовать большей гармонии в отношениях с природой. По мнению ньюэйджеров, приобщение к мистическим чувствам даст возможность поставить под контроль человеческую «плоть», а овладение мистическими знаниями позволит преодолеть неполноценность рационального мышления и поможет эффективно управлять материальным миром. Таким образом, они рассматривают свое мировоззрение как стратегию выживания человечества. Дж. Лили в бестселлере «В центре циклона» выразил эту мысль следующим образом: «Я глубоко убежден в том, что опыт более высоких состояний сознания необходим для выживания человеческого вида. Если каждый из нас сможет испытать, по крайней мере, низшие уровни сатори, то есть надежда, что мы не захотим взорвать планету или каким-нибудь другим способом уничтожить жизнь. . . Такие проблемы, как загрязнение среды, уничтожение других видов, перепроизводство, голод, болезни и войны будут тогда разрешены» [5, с. 20].

Особо следует отметить тот факт, что исследование измененных состояний сознания уходит корнями в глубокую древность, во времена традиционных обществ, основанных на мифе и ритуале, и признающих «сакральную размерность» как определяющую для своего выживания. Древние духовные практики были деформированы при переориентации общества от общины к социуму и далее продолжали свое движение к деструкции и возможному пересозданию в рамках индустриального и постиндустриального общества.

Современные ньюэйджеры возрождают эти древние практики, тем самым возвращая человека к его истокам, ориентируя его на самосовершенствование, на раскрытие и освобождение его скрытых духовных и душевных сил.

Пробуждение скрытых сил позволяет человеку соприкоснуться с принципиально иной реальностью, чем обыденная. Состояния пси-

хики, в которых это становится возможным, обозначают различными терминами — «расширенное сознание», «особая реальность», «иные пространства», но наибольшее распространение получил термин «измененные состояния сознания», предложенный психологами трансперсональной психологии, выдвинувших целый ряд новых идей в понимании психической жизни человека. Эта уже не новая теория была предложена американцами А. Маслоу, А. Сатичем, и чешско-американским психиатром С. Грофом в самом конце 1960-х годов.

Основатели трансперсональной теории пытались если не объяснить, то как-то встроить в общую психологическую теорию такие феномены, как вдохновение, инсайт, прилив творческих сил, экстаз, озарение, и другие порывы, явно переходящие пределы личности, или, по крайней мере «привычного Я». Сюда же были включены и экстрасенсорные феномены. Основанием для этого спорного шага было нередкое среди адептов данного направления убеждение в том, что силу им дают не собственные, слабые усилия, но помощь, если не внешних, то, по крайней мере, внеличных сил.

Разработка этой предметной области пока не закончена, более того — находится в состоянии «начального взрыва». Каждая из международных конференций трансперсоналистов, проводимых сейчас каждый год фиксирует распад старых школ и возникновение новых. Именно трансперсоналисты являются активными практиками-нюэйджерами, совершающими прорыв в массовом сознании европейской культуры.

Пробуждение скрытых сил психики в результате такой практики позволяет человеку соприкоснуться с принципиально иной реальностью, чем обыденная: вещи становятся прозрачными, светящимися; человек обретает способность неожиданно проникать в их глубочайшую сущность; в некоторых случаях он попадает в миры, совершенно отличные от земного. Все эти феномены — лишь небольшая часть огромного мира измененных состояний сознания. Такого рода переживания часто называют мистическими. Границы данного термина очень подвижны. В широком смысле «мистика» — это личный опыт познания сверхъестественного. В более узком смысле под мистическим опытом понимается совершенно специфическое переживание, в котором «Я» исчезает, сливаясь с духовным Универсумом. В иерархии уровней сознания такое переживание располагают на самой вершине. Обычно выделяют два типа мистического опыта — интравертный и экстравертный. В первом случае, более характерном для традиционных восточных культов, человек обнаруживает Абсолют в глубине собственного «Я». При эк-

стравертном мистическом опыте, к которому тяготеет сознание «Нью Эйдж», его содержанием является освобождение души от тела и слияние ее с Космосом. Объекты и живые существа теряют при этом свою разобщенность и воспринимаются как нечто абсолютно единое. Существует много терминов для обозначения этого состояния — «сверхсознание» (А. Розенфельд), «космическое видение» (С. Кин), «высшее сознание» (А. Вейл), «океаническое чувство» (З. Фрейд). Однако наиболее часто используют термин «космическое сознание», введенный в 1901 году канадским психологом Р. Баком. Мэрилин Фергюссон в книге «Революция мозга» (1979), описывая это состояние, отмечает, что оно характеризуется неожиданной идентификацией со всей жизнью; пронизывающей Вселенную; необычными цветовыми ощущениями; вибрацией; электрическими ощущениями; чувством расширения сознания; исчезновением страха, особенно страха смерти; рокошущими звуками; ветром; чувством освобожденности от физического тела; блаженством; глубоким проникновением в суть вещей; чувством освобождения; смешением чувств (синэстезией), когда цвет звучит, а звук порождает цветовые ощущения; чувством того, что все эти переживания есть единственная реальность, ординарное сознание есть лишь жалкая тень подлинного бытия.

Характерным элементом космического сознания является ощущение того, что Вселенная, планеты и вообще все окружающие вещи являются живыми существами. «Я увидел, — пишет Ричард Бак, — что Вселенная соткана не из мертвой материи, что она живет» (Цит. по: [2, с. 318]). Человеку, который побывал в таком состоянии, уже не покажутся нелепыми ни эзотерическая теория о небесных телах как живых существах, ни понимание природы греческими гилозоистами, представителями Милетской школы, ни представление Дж. Лавлока о Земле, как живом разумном организме. Эти идеи непосредственно переживаются в состоянии космического сознания. Точно так же переживается и бессмертие души. «В самом себе, — пишет Ричард Бак, — я почувствовал присутствие вечной жизни. Это не было убеждение, что я достигну бессмертия, это было чувство, что я уже обладаю им. Я увидел, что все люди также бессмертны, что таков мировой закон» (Цит. по: [2, с. 319]).

В мистическом акте человек не обнаруживает Бога как Личность. Атрибутом космического сознания является потеря границ своего «Я» и слияние сознания с Абсолютом, который ощущается всем человеческим существом как Высший Разум, Вселенская Любовь, «Универсальное психическое Поле Вселенной» (Д.В. Кандыба). Как видим,

здесь причудливо и своеобразно переплетаются восточный и западный мистицизм, создается некий синтез всего религиозного опыта мира, основа нового мировоззрения, которое распространяется через литературу, СМИ, тренинги трансперсоналистов и др. Сознание «Нью-Эйдж» — не единственное идеологическое движение эпохи постмодерна, но оно принадлежит к числу тех течений, которые работают не на разъединение, а на объединение народов всего мира единой идеологией, единой религией, единым набором общечеловеческих ценностей. Однако, для того чтобы это объединение осуществилось, рационально мыслящему западному человеку необходимы рациональные или научные обоснования нарождающейся холистической идеологии. Поэтому, и не только поэтому, мистический или надличностный опыт активно исследуется западными психологами и психиатрами. Об этих исследованиях подробно говорится в книге известного ученого Гарри Ханта «О природе сознания» (2004 г.). В ней, в частности, автор отмечает, что: «На уровне эмпирической доступности исследования измененных состояний сознания неоднократно показывали, что субъективные отчеты о переживаниях, вызванных гипнозом, сенсорной депривацией, ЛСД и аналогичными психоделическими препаратами и медитацией можно оценивать с помощью опросников и контент-анализа надежными и даже формально шкалируемыми методами. Кроме того, было разработано несколько опросников, основанных на общих характеристиках спонтанных изменений сознания, не зависящих от конкретной причинной ситуации, чтобы оценивать, судя по всему, довольно высокий «базовый уровень» спонтанных преобразований сознания в обычной популяции. Существуют даже шкалы и опросники изменений сознания в самых личных из субъективных кошмаров — психотических приступах» [6, с. 62].

А что же у нас, восточных славян, со смешанным типом ментальности, в котором органично сочетаются как западные, так и восточные элементы. По мнению известного российского исследователя постмодерна С. Корнева: «Постмодернизм дает восточному человеку шанс победить западную культуру в самом себе, победить западную рациональность, деформирующую его сознание, с помощью западного же противоядия. Пройдет не так уж много времени, и под маской «постмодернистского перформанса» засветится природная логика Востока» [4, с. 52]. В этой связи следует отметить и растущее в последнее время у нас в стране и в ближнем зарубежье движение ньюэйджеров, органично сочетающих восточный мистицизм и западный рационализм, а общим введением в проблематику «нью-эйджа» можно считать

книги профессора Г.И. Швевса «Духовность мироздания» и «Основы эзотерики», книги В.В. Налимова и, прежде всего, вышедшую в 1979 году «Вероятностную модель языка» с характерным для доперестроечных времен нарочно затемненным заглавием. На этой книге выросло целое поколение благодарных читателей. Интенции автора пояснены в вышедшей уже без цензурных ограничений «Спонтанности сознания» (1989). Значительной популярностью у отечественного читателя пользуются также монография Б.Г. Шулицкого «Мадэализм», внушительный двухтомник Г.А. Шнейдермана «За горизонтом осознанного мира», книги известного ученого и гипнотизера Виктора Кандыбы и многие другие работы российских и украинских ученых и мыслителей, которые становятся с каждым годом все больше и больше. Дальнейшее развитие этого явления духовной жизни современного общества трудно прогнозировать, однако те тенденции, которые уже наметились в нашем обществе, могут вселять надежду на духовное и культурное возрождение в обозримом будущем.

1 Литература

- [1] *Гроф С.*, Ласло Э., Рассел П. Революция сознания. Трансатлантический диалог. — М., 2004.
- [2] *Джемс В.* Многообразие религиозного опыта. — СПб., 1992.
- [3] *Кандыба Д.В.* Высшая Йога. — Киев, 1990.
- [4] *Корнев С.* Восточный постмодернизм // Русский журнал.
- [5] *Лили Дж.* Центр циклона (автобиография внутреннего пространства). — Киев, 1993.
- [6] *Хант Г.* О природе сознания. — М., 2004.
- [7] *Хубер Й.* Общество радуги: экология и социальная политика // Новые социальные движения и социокультурные эксперименты. — Вып. 1. — М., 1989.